

Глава 13

Фан Хойчжоу изумлённо застыл, не в силах собраться с мыслями.

Лишь когда победители сошли со сцены и направились за заслуженной наградой, он медленно пришёл в себя.

Он не понимал, откуда у Ин Чжи, мечника, мог появиться такой длинный и застарелый шрам. Ведь для фехтовальщика руки — самое главное.

Точно так же он когда-то ломал голову над тем, почему Вэнь Тинъянь выбрал путь целителя, имея столько других, куда более блестящих возможностей.

Но в этот миг ему показалось, что он наконец-то всё понял.

Фан Хойчжоу ожидал, что ответ будет сложным и таинственным, но причина оказалась до смешного проста.

...

Всё это было ради одного-единственного человека.

Пути совершенствования у каждого ученика были разными, а потому и артефакты им подходили разные. Секта не могла заранее подготовить награды, поэтому победителям позволялось выбрать их самим.

Ин Чжи стёр с лица Вэнь Тинъяня последние следы крови и убрал руку.

Его прикосновение было мимолётным, но ощущение лёгкого, щекочущего зуда ещё долго оставалось на щеке.

Он хотел было дотронуться до этого места, но так и не решился.

Возможно, Ин Чжи слишком давно не пытался так вкрадчиво искать расположения, чтобы Вэнь Тинъянь на мгновение растерялся.

Они слишком долго пробыли на сцене. Внизу уже стоял один из старших братьев, поторапливая их спуститься и выбрать награду.

Вообще-то, награды полагались трём лучшим командам, но участники двух других команд сейчас находились на Пике Пилюль, где ими занимались старейшины, так что выбирать пришлось только им.

Целитель первым сошёл со сцены. Ин Чжи последовал за ним, держась на небольшом расстоянии.

Старший брат, дождавшись их, повёл их к павильону, где хранились артефакты. Доведа до дверей, он остановился.

— Вы можете выбрать по одному артефакту с любого из трёх первых этажей, — сказал он, прежде чем они вошли. — Постарайтесь выйти до заката.

Тот кивнул в знак согласия.

Судя по всему, этажи здесь соответствовали уровню артефактов: чем выше, тем они были ценнее.

Осознав это, Вэнь Тинъянь без колебаний повёл Ин Чжи на третий этаж, где артефактов было заметно меньше.

Перед каждым из них лежала нефритовая табличка. Достаточно было коснуться её, влив немного духовной силы, чтобы прочесть описание.

Изначально юноша планировал найти здесь подходящий меч для Ин Чжи, но планы изменились — он уже заказал для него духовный клинок у Цзян Жуна.

Теперь, оставшись без цели, он растерянно смотрел на ряды артефактов, не зная, что выбрать.

Ин Чжи, казалось, знал, что ищет. Обойдя весь этаж, он остановился перед одной из нефритовых табличек и, опустив взгляд на появившиеся иероглифы, стал внимательно их изучать, время от времени касаясь их кончиками пальцев.

При каждом движении на его ладони мелькал шрам.

Вэнь Тинъянь долго смотрел на него, прежде чем отвести взгляд.

Он вдруг вспомнил, как кто-то когда-то сказал ему:

«Кажется, ты можешь всё»

Тогда он, скорее всего, ничего не ответил — он никогда не любил отвечать на подобные вопросы. Но если бы тот человек стоял перед ним сейчас...

Вэнь Тинъянь вдруг захотел сказать ему:

«Я не всемогущ»

Он понял это давно. С того самого момента, как его кровь не смогла исцелить рану Ин Чжи.

Вэнь Тинъянь никогда не боялся боли, потому что наивно верил, что любую рану в этом мире можно излечить.

Он родился с необычным цветом волос и глаз, и окружающие скорее боялись его, чем сочувствовали.

В его детских воспоминаниях единственным существом, осмелившимся войти в его двор, был соседский кот.

Теперь он думал, что, возможно, у животных есть какое-то необъяснимое чутьё.

Юноша тогда не знал, откуда пробрался этот кот. Он потёрся о его ногу и тихо мяукнул.

Когда он опустил взгляд, кот перевернулся на спину.

Только тогда он увидел на его животе длинную, кровоточащую царапину. Рана выглядела серьёзной.

Целитель тогда надолго замер, ощущая прикосновение к своей ноге, а затем, собрав духовную силу, порезал запястье.

Кровь стекла по его пальцам и капнула на рану кота.

Когда рана полностью затянулась, он присел на корточки. Его серебряные волосы рассыпались по земле. Он безэмоционально погладил кота.

Всё было так просто. Поэтому, когда Вэнь Тинъянь принёс домой Ин Чжи, он был уверен, что

сможет исцелить и его.

Но всё пошло не так, как он ожидал.

Осознав наконец, что не может излечить рану на руке Ин Чжи, он отвёл его к лучшему лекарю в городе.

Тот сказал Вэнь Тинъяню, что это сквозное ранение — кто-то пронзил его ладонь чем-то острым.

Прошло слишком много времени, рана уже зарубцевалась, а меридианы внутри были разорваны. Исцеление было невозможно. К счастью, кроме периодической боли и неконтролируемой дрожи, других последствий не было.

В тот день юный Вэнь Тинъянь впервые понял, что не все раны в этом мире можно так легко стереть.

Он исцелил своё запястье, исцелил другие раны на теле Ин Чжи.

Но перед шрамом на его ладони стояло время — время, которого хватило, чтобы рана затянулась.

И целитель был бессилён.

...

Воспоминания развеялись, как дым. Вэнь Тинъянь поднял глаза, возвращаясь в настоящее.

Долгое время после этого он задавался вопросом: если бы тогда ему удалось исцелить Ин Чжи, стал бы он целителем?

Вероятно, нет. Он никогда не ценил свой дар.

Потеряв всякий интерес к выбору, юноша наугад взял защитный артефакт.

Почти в то же мгновение свой выбор сделал и Ин Чжи. Артефакт был крошечным, и он сжимал его в кулаке, так что разглядеть его было невозможно.

Вэнь Тинъянь и не собирался спрашивать. Он убрал выбранную вещь в сумку-хранилище и посмотрел на медленно садящееся за горизонт солнце.

Ин Чжи подошёл к нему и раскрыл ладонь.

Собеседник мельком взглянул и увидел серьгу. Она была похожа на кусочек глазури, но внутри переливалась нежно-голубым светом, словно текущая вода.

— Что это? — непонимающе спросил он.

Ин Чжи улыбнулся.

— Мне кажется, тебе пойдёт, — сказал он тихо, но серьёзно.

Вэнь Тинъянь не мог понять, шутит он или нет. Слова звучали легкомысленно, но тон был слишком искренним.

— Мне не нужно, — после недолгого молчания ответил он.

Но юноша не убирал руку. Его пальцы, редко видевшие солнце, были почти бескровными.

Через несколько секунд его рука, казалось, едва заметно дрогнула. Вэнь Тинъянь не был уверен, не показалось ли ему.

Он впервые понял, что не до конца исцелил Ин Чжи, именно так: тот сидел рядом с ним, листая книгу, и его правая рука в воздухе неудержимо дрогнула.

Наконец, он протянул руку и взял серьгу. Затем достал из сумки-хранилища свой артефакт и отдал его Ин Чжи.

Сжимая в руке украшение, он спросил:

— Что она делает?

— Почти ничего, — ответил Ин Чжи. — Можешь носить как обычное украшение.

Вэнь Тинъянь посмотрел на него с явным недоверием. Секта Юншу, такая могущественная организация, не стала бы хранить бесполезную безделушку на третьем этаже сокровищницы.

Встретив его взгляд, юноша сдался.

— Вторая у меня, — признался он. — Если ты будешь ранен, я узнаю об этом первым.

— И это всё?

Если её функция была только в этом, то слова Ин Чжи о бесполезности были не так уж далеки от истины.

— Да. Я не хочу, чтобы ты страдал, а я ничего не знал, — ответил он.

Он всё ещё помнил тот день, когда они только прибыли в секту Юншу. Вэнь Тинъянь отдал каплю своей крови ради формации, а он в это время сидел в комнате и ничего не подозревал.

Ин Чжи не хотел, чтобы подобное повторилось.

Ведь тогда, узнав, каким образом Вэнь Тинъянь вытащил его с того света, он поклялся, что больше никогда не позволит ему пролить ни капли крови.

Тот понял его. Он не ожидал, что Ин Чжи будет помнить об этом так долго.

Он сжал серьгу в ладони.

— ...Понятно. Пойдём.

Они вышли из павильона в тот самый миг, когда последний луч солнца коснулся земли. Весь мир вокруг был залит золотым светом заката.

На тропинках было много учеников. После победы в состязании они стали довольно известны в секте, и по пути с ними многие здоровались.

В основном, конечно, с Ин Чжи.

Наконец, они добрались до уединённого места, и он смог вздохнуть с облегчением.

Вэнь Тинъянь шёл впереди, медленно и легко.

— Когда ты протягивал мне ту вещь, твоя рука дрогнула, — спросил он, задавая вопрос, который мучил его ещё в павильоне. — Опять болит?

Ин Чжи замер.

— Нет, — тихо ответил он мгновение спустя. — Она давно уже не болит.

...

На самом деле, Ин Чжи всё знал.

Он знал, почему Вэнь Тинъянь в каждом новом месте первым делом отправлялся в библиотеку и изучал медицинские трактаты.

Знал, почему стоит ему лишь выставить свой шрам перед Вэнь Тинъянем, показать его, и тот безоговорочно соглашается на всё.

Как и только что, когда его рука дрогнула, и Вэнь Тинъянь, протянув свою, взял серьгу.

На самом деле, шрам уже не болел. Он больше не дрожал так, как в детстве, когда он не мог даже поднять правую руку.

Возможно, во время поединка многие видели шрам на его ладони.

Они могли бы удивиться, почему у такого искусного мечника есть шрам на руке. Но никто, кроме Вэнь Тинъяня, не спросил бы, больно ли ему.

Во всём мире остался лишь один Вэнь Тинъянь, чьё сердце до сих пор болело за него. За его прошлое, за его судьбу.

И даже за тот затянувшийся шрам на его ладони.

<http://bllate.org/book/13470/1690551>